

Макарчева Елена Борисовна

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОГО СОЦИУМА В СИБИРИ В XVII В.

В статье исследуется процесс формирования на колонизируемой территории Сибири тех аспектов традиционного русского жизненного уклада, которые связаны с православием. Предметом рассмотрения является участие русских переселенцев в храмовом и монастырском строительстве как выражение социальной значимости православных церковных институтов в процессе освоения. Автор также анализирует значение религиозной мотивации и религиозного осмысления своей деятельности русскими жителями Сибири.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/7/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(81) С. 117-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Клакхон К.** Зеркало для человека. Введение в антропологию [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/klakh/intro.php (дата обращения: 18.04.2017).
2. **Липкин А.** «Духовное ядро» как системообразующий фактор цивилизации: Европа и Россия // *Общественные науки и современность*. 1995. № 2. С. 57-67.
3. **Лурье С. В.** Историческая этнология. М., 1997. 183 с.
4. **Сорокин П. А.** Социальная и культурная динамика [Электронный ресурс]. URL: http://platon.net/load/knigi_po_filosofii/socialnaja_filosofija/sorokin_p_a_socialnaja_i_kulturnaja_dinamika/24-1-0-1365 (дата обращения: 18.04.2017).
5. **Шилз Э.** Общество и общества: макросоциологический подход [Электронный ресурс]. URL: http://sibiblio.com/biblio/archive/shils_obshestvo/ (дата обращения: 16.04.2017).

CULTURE OF A SOCIUM: CONTENT AND ELEMENTS

Kuchukova Zhaneta Magometovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State Agricultural University named after V. M. Kokov in Nalchik
kuchukovm@mail.ru

The article examines the problem of content and element structure of culture of a certain concrete historical socium (state). The author identifies the basic approaches to interpreting systematicity and integrity of local culture. Special attention is paid to peculiar features typical for culture of a concrete socium. The paper justifies a thesis that ethnic culture is a basis of national culture. The author introduces her own interpretation of socium culture structure. The suggested model of socium culture can serve as a basis to study content and logic of culture change.

Key words and phrases: culture; socium; culture structure; ethnic constants; ethnic culture; spiritual basis of culture.

УДК 94:271.2(571)“16”

Исторические науки и археология

В статье исследуется процесс формирования на колонизируемой территории Сибири тех аспектов традиционного русского жизненного уклада, которые связаны с православием. Предметом рассмотрения является участие русских переселенцев в храмовом и монастырском строительстве как выражение социальной значимости православных церковных институтов в процессе освоения. Автор также анализирует значение религиозной мотивации и религиозного осмысления своей деятельности русскими жителями Сибири.

Ключевые слова и фразы: православие; Русская Православная Церковь; религиозность; монастыри; церкви; русская колонизация Сибири; русское население.

Макарчева Елена Борисовна, к.и.н.

Кемеровский государственный университет (филиал) в г. Новокузнецке
makhelen-64@mail.ru

**РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ФОРМИРОВАНИИ
РУССКОГО СОЦИУМА В СИБИРИ В XVII В.**

Процесс формирования нового русского социума в сибирской зоне освоения, а также специфические характеристики этого социума в последние два десятилетия вызвали особый исследовательский интерес в контексте попыток развить на сибирском материале известную американскую теорию фронта. Фронтальные исследования актуализировали проблематику, связанную с социокультурными аспектами процесса освоения, в частности – вопрос о соотношении в рамках этого процесса с одной стороны воспроизводства традиционного жизненного уклада, повседневных социокультурных практик, а с другой – формирования своеобразных черт, характеризующих и новый «фронтальный» социум, и «человека фронта», фронтисмена. При всей новизне современной терминологии и интерпретации, научная разработка этого круга проблем имеет почти полуторастолетнюю историю. Начало ей положил известный деятель сибирского областничества и разносторонний исследователь Н. М. Ядринцев, постулировавший в своем юбилейном труде «Сибирь как колония» представление об особом этническом типе русского старожильческого населения Сибири и выделивший его физические и социально-психологические характеристики [11, с. 97-118].

Развивая эту тему в рамках своей концепции, исследователи «сибирского фронта» определяют в качестве одной из базовых социально-психологических характеристик «человека фронта» снижение религиозности и значения религиозных ценностей в его сознании [8, с. 179-183]. Вместе с тем, Православная Церковь и православная вера играли в традиционном русском обществе роль одного из системообразующих факторов, что и обосновывает интерес к их участию в процессе формирования нового социума на обширной осваиваемой периферии русского государства.

Делопроизводственные материалы Сибирского приказа и нарративные источники содержат обширную информацию о роли Православной Церкви как социального института, значении православных религиозных

практик в жизненном укладе русских сибиряков на начальном этапе освоения, а также о характерных проявлениях их религиозности.

Православный храм, наряду с военно-административными постройками, становился одним из первых очевидных знаков русского присутствия на присоединенной территории. В ряде случаев дата основания русского поселения совпадает с датой строительства в нем первой церкви – Тюмень (1586 г.), Тобольск (1587 г.), Пелым (1593 г.), Верхотурье (1598 г.) [4, с. 509]. Так что процесс строительства православных храмов значительно опережал организационно-административное оформление Церкви в Сибири: к тому времени как в Тобольск прибыл первый сибирский архиепископ Киприан (1621 г.), в регионе было возведено уже около 15 церквей.

Один из первых историков-сибиреведов П. А. Словцов выразил процесс обустройства русских поселений в Сибири следующей формулой: «где зимовье ясачное, там... часовня; где водворение крепостное, там и церковь, и пушка; где город, там правление воеводское, снаряд огнестрельный и монастырь» [7, с. 58]. Аналогичную картину рисовал церковный историк И. Покровский: «во всех городах и острогах с самым незначительным количеством военного гарнизона или сведенцев... при основании города строилась церковь» [4, с. 509]. Приведем в качестве подтверждения пример Кузнецкого острога, основанного в 1618 г. на самой границе русского продвижения на юг Западной Сибири. Первые годы в нем служили только 10 годовальщиков (служилых людей, командированных на год из других сибирских острогов), но уже имелась часовня, только в 1621 г. сложился постоянный гарнизон из 30 человек, и тогда же была построена церковь [9, с. 3]. При этом стоит отметить, что и Кузнецк, и соседний Томск, и Енисейск, и Красноярск, и еще целый ряд русских опорных пунктов на протяжении всего XVII в. находились в зоне постоянных военных действий, так что даже само обустройство в них постоянного русского населения представляло серьезные трудности. Служилые люди, составлявшие единственное русское население этих крепостей в первые годы их существования, были обременены множеством опасных и тяжелых обязанностей – отражением набегов, организацией военных экспедиций, сбором ясака, строительством, ремонтом и восстановлением крепостных сооружений. Тот факт, что при этом они находили время, силы, материальные ресурсы для обустройства православного храма, свидетельствует о его приоритетном значении в процессе воспроизводства на новом месте основ привычного и устойчивого жизненного уклада.

При этом обязательное присутствие храма как образа традиционного жизненного уклада, в первую очередь, выражало внешние формы религиозности, своего рода «прагматическую» сторону религии. Ведь православная обрядность сопровождала и оформляла важнейшие моменты жизни русского человека. И оказавшись за пределами своего обустроенного мира, человек рисковал умереть и быть похороненным без христианского погребения, лишившись тем самым надежды на вечную жизнь. В условиях постоянной военной опасности, характерных в первое столетие для колонизируемой сибирской периферии, вероятность такого исхода значительно повышалась. О высокой степени заинтересованности сибиряков в регулярном исполнении православных обрядов свидетельствует, к примеру, коллективная челобитная жителей Красноярского уезда с широким кругом участников: «и дети боярские и атаманы казачьи и конные и пешие служилые люди и ружники и посацкие люди и пашенные крестьяне» [6, ст. 446, л. 145]. В ней выражается озабоченность тем, что за неимением священника «служилые люди и без отца душевного и без отпевания погребены» [2, с. 89].

Вместе с тем, возведение православного храма на месте постоянного русского поселения должно быть осмыслено и в более глубоком символическом значении. Включение образов православия в пространство осваиваемого региона преображало повседневность, вносило в обыденные «труды» русских крестьян и служилых высший смысл, поскольку придавало их присутствию на этих просторах значение промысла Божьего. Конечно, обычный человек почти никогда не мог и не имел повода выразить это понимание. Авторы челобитных далеки от религиозно-философских размышлений и, в большинстве своем, скорее всего, вообще неграмотны. Но те из сибиряков, что были способны к литературному творчеству и склонны к размышлениям, достаточно ясно сформулировали это религиозное понимание в первых исторических произведениях, призванных осмыслить факт обретения Россией Сибири. Речь идет об авторах Есиповской и Строгановской летописей, У. С. Ремезове с его «Историей Сибирской». Многочисленные чудеса и видения, Божественное покровительство, неизменно оказываемое Ермаку во всех его военных действиях, должны были убедить читателей «Истории Сибирской» в том, что Сибири предназначено свое особое место среди христианских стран и народов. В Есиповской летописи эта провиденциалистская концепция выражена еще более отчетливо: «Посла Бог очистити место святы[н]и и победити бусорманского царя Кучнома и разорити боги мерския и их нечестивая капища, но и еще быша вогнеждение зверем и водворение сирином. Избра Бог не от славных муж, царска повеления воевод, и вооружи славою и ратоборством атамана Ермака Тимофеева сына и с ним 540 человек... И по всей Сибирстей земли ликоваху стопами свободными, ни от кого же возбраняеми. И от сих поставишася град и святыя Божия церкви воздвигошася. Аще древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияя» [5, с. 50]. Даже с учетом того, что Есиповская летопись вышла из церковной среды, саму эту концепцию неправомерно рассматривать только в качестве элемента официальной церковной идеологии.

О значении православной религии как способа обоснования представителями формирующегося русского социума законности и уместности своих действий свидетельствуют примеры их поведения, направленного на придание этим действиям религиозной санкции. Безусловно, сама эта санкция становится необходимой преимущественно в тех случаях, когда действия с государственной точки зрения имеют сомнительную легитимность. Одним из примеров являются события Красноярского бунта 1696-1700 гг., во время которого приходская Покровская церковь стала центром объединения недовольных горожан и местом сходов бунтовщиков. В ходе следствия выяснилось, что священник церкви приводил к кресту красноярских жителей «в бунтовском

строительстве», что по сути являлось выражением религиозной легитимации действий, направленных против воеводской администрации [6, ст. 1288, л. 53-56]. Еще более яркий пример – поведение илимских бунтовщиков, обосновавшихся в Албазине. В 1665 г. казаки, выступившие против воеводы Лаврентия Обухова и бежавшие на Албазин, забрали с собой (скорее всего, насильно) старца Ермогена, пользовавшегося, по-видимому, особым авторитетом и известного как основателя Усть-Киренского Троицкого монастыря. Устройством «пустыньки» (монастыря скитского типа) на новом месте он должен был придать действиям казаков значение Божьего дела. Причем, за время пребывания старца в Албазине им было построено даже две православных обители – на «Брусняном камне» и на р. Кумаре [1, с. 44]. Значение этих действий выходит за пределы сугубо утилитарного прагматического подхода. По сути, они символически выражают тот факт, что казаки не разрывали связей с православным миром и его смыслами, не противопоставляли себя им, но, несмотря на свои противозаконные действия, продолжали считать себя частью русского православного социума.

О роли монастырей в колонизации и Сибири и – ранее – Русского Севера сказано и написано уже много. При этом в центре внимания исследователей, как правило, оказывался хозяйственный аспект монастырской колонизации. География строительства сибирских монастырей, безусловно, отражает процесс расширения зоны русского освоения. Так, за вторую половину столетия было основано более 20 монастырей, и они возникали уже на дальних сибирских окраинах, где развивалась хозяйственная колонизация. Так, границу русского продвижения на юге Западной Сибири обозначил Кузнецкий Христорождественский монастырь (1648 г.), этапы проникновения в Восточную Сибирь отразило строительство Якутского Спасского, Усть-Киренского Троицкого (оба – 1663 г.), Енисейского Рождественского (1664 г.), Иркутского Вознесенского (1672 г.) монастырей, в Забайкалье – Селенгинского Троицкого и Посольского Преображенского (оба – 1681 г.) монастырей [10, с. 27-30].

Вместе с тем, социальная функция монастырей в процессе освоения оказывалась не менее значимой, чем хозяйственная. Обращает на себя внимание тот факт, что в течение XVII в. инициаторами строительства обителей чаще всего, помимо отдельных представителей черного духовенства, являлись простые миряне – служилые люди, крестьяне различных острогов и «подгородных» деревень. Они выступали и как челобитчики, и как организаторы строительства, и как вкладчики. Совершенно очевидно, что большинство сибирских монастырей в этот период возводились на средства самих жителей и их же усилиями [Там же]. При этом интерес мирян к монастырскому строительству в подавляющем большинстве случаев мотивировался намерением постричься в монахи по старости или по оставлении военной службы. О значении именно этой мотивации свидетельствует целый ряд примеров из челобитных русских крестьян и служилых людей. Так, илимские жители писали о причинах постройки Усть-Киренской пустыни, что «в Илимском остроге многие всяких чинов люди при старости живут, а обещания кладут в иноческий чин пострица» [6, ст. 450, л. 115]. Подобным же образом определял значение Тарского Спасского монастыря его игумен Питирим: «а которые на Таре служилые люди устарели и службы отбыли и по обещанию своему на Таре в Спасской монастырь постригались бы» [Там же, ст. 503, л. 272].

Это свидетельствует о том, что, особую востребованность в условиях Сибири приобретала социальная функция монастыря как института общественного призрения. В условиях стабильности основную роль в поддержке больных и престарелых в традиционном обществе играет семья. Однако в ситуации, когда само воспроизводство семейных отношений на первых порах становится проблематичным (в русском сибирском социуме долгое время абсолютно преобладают неженатые мужчины), на первый план выступают другие институты традиционного общества – например, монастырь.

Понятно, что проблема обеспечения спокойной и достойной старости вставала именно перед первым и следующим поколением русских людей, особенно служилых, мобилизованных в Сибирь государством тогда, когда они, будучи вынуждены окончить службу, оставались без хозяйства, без родственников и без средств существования.

Трудно сказать, в какой степени утилитарные мотивы оказывались доминирующими при организации монастырей, но совершенно очевидно, что они не являлись единственными. Так, описанный выше пример деятельности илимских казаков в Албазине свидетельствует о наличии религиозной мотивации. Скорее всего, они сами и были инициаторами строительства православных обителей. Как свидетельствует сам старец Ермоген, «и на подмоге, и на всякую работу албазинские казаки давали хлеба и работников» [Там же, ст. 450, л. 8]. Как уже было сказано, эти действия обеспечивали религиозную легитимацию восстания и бегства казаков на Албазин.

О значении религиозного фактора в осмыслении русскими своего присутствия в Сибири свидетельствуют и культы местночтимых святых и икон. К наиболее известным относится почитание Василия Мангазейского, Симеона Верхотурского, иконы Абаладской Божьей Матери, Албазинской иконы «Слово плоть бысть». Показательно, что эти культы сложились на протяжении второй половины XVII в. – времени формирования в Сибири постоянного русского населения, пополнявшегося теперь не только за счет механического притока, но и естественного воспроизводства. В центрах складывания этих культов уже родились второе и третье поколения русских. Появление своих святых покровителей, каковыми были Симеон Верхотурский и Василий Мангазейский, означало для этих людей, являвшихся уже сибирскими уроженцами, что и этот край не оставлен Богом, имеет перед ним свое представительство, а, следовательно, и они могут надеяться на свое место в Царствии Божьем. Сибирь таким образом включалась в общее пространство православного мира, через своих святых обретала Божественное присутствие, и это было крайне важно ощущать ее новым жителям. Результатом освоения как социокультурного процесса стало включение Сибири русским религиозным сознанием в православный космос, когда она переставала быть только чужим пространством, населенным язычниками и наполненным знаками сомнительных языческих культов.

Языком того времени это ярко выразил С. У. Ремезов: «ныне же Сибирская земля и край [весь], особенно же богоспасаемый первейший город Тобольск исполнились божественной святой славы [благодаря] явлению

в 1588 году образа самого Вседержителя в славу Его имени. Также [явления были] 20 июля 1636 года Пречистой Богородицы, заступницы всего мира, были [явления] Иоанна Предтечи на Шамталыке, Михаила архангела Ермаку с дружиной, святителя Николая чудотворца в 1602-м году, и во время похода Ермака – великомученика Димитрия 23 ноября 1580 года. И озарилась Сибирь светом такой несказанной радости – сибирянам во исцеление – и просветилась просвещением Всесвятого и Животворящего Духа... Благодать воссияла везде и всё ею наполнилось и прославилось во всех сибирских краях» [3, с. 229].

Приведенные факты по большей части свидетельствуют о присущих русским жителям Сибири традиционных, нормативных формах проявления религиозности. Можно утверждать, что православная вера и Православная Церковь в специфических условиях колонизации не только не утрачивали своего значения, но и приобретали дополнительные социальные функции, способствуя воспроизводству тех элементов общественного уклада и общественного сознания, которые собственно и делали формирующийся сибирский социум русским.

Список источников

1. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 264 с.
2. Бахрушин С. В. Научные труды: в 4-х т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. 4. 258 с.
3. Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Ремезовская летопись: история сибирская; летопись сибирская краткая кунгурская. Тобольск: Издательский отдел Общественного фонда «Возрождение Тобольска», 2006. 267 с.
4. Покровский И. М. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования: в 2-х т. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1897. Т. 1. 599 с.
5. Полное собрание русских летописей: в 43-х т. М.: Наука, 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. 382 с.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3.
7. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири: в 2-х кн. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1886. Кн. 1. 326 с.
8. Судакова О. Н. Концепт «Сибирская культура в теории фронта» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. 1. С. 179-183.
9. Шадрин А. С. История Кузнецка XVII – начала XX в. Новокузнецк, 1998. 37 с.
10. Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII-XVIII вв. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1983. 164 с.
11. Ядрищев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

ORTHODOX CHURCH ROLE IN RUSSIAN SOCIUM FORMATION IN SIBERIA IN THE XVII CENTURY

Makarcheva Elena Borisovna, Ph. D. in History
Kemerovo State University (Branch) in Novokuznetsk
makhelen-64@mail.ru

The article examines the process of formation of traditional Russian lifestyle aspects associated with Orthodoxy within the colonized Siberian territory. Participation of Russian resettlers in construction of churches and monasteries is considered as a manifestation of social importance of Orthodox institutions in the adaptation process. The author analyzes significance of religious motivation and religious self-evaluation for Russian residents of Siberia.

Key words and phrases: Orthodoxy; Russian Orthodox Church; religiousness; monasteries; churches; Russian colonization of Siberia; Russian population.

УДК 93

Исторические науки и археология

В статье на основе архивных источников, нормативных документов и материалов периодической печати охарактеризовано книгораспространение в Императорской Московской медико-хирургической академии. Издания этого учебного учреждения распространялись девятью способами (обязательный экземпляр, продажа почтой, наградные книги и др.). Разнообразие практик реализации говорит не только о внимании к выпускаемой продукции, но и об экономии казенных средств для их использования в книгоиздании.

Ключевые слова и фразы: источниковедение; книгораспространение; медицинская книга; история медицины; история образования в России; Императорская Московская медико-хирургическая академия.

Маркова Анна Игоревна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
anna-markova@hotmail.com

ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВУЗОВСКИХ ИЗДАНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ МОСКОВСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ, 1798-1845)

Одной из актуальных исследовательских тем исторической науки является книгоиздание высших учебных учреждений Российской империи первой половины XIX века. Отдельные аспекты темы изучены подробно –